

С. С. Тавастшерна

«НЕПИСЬМЕННЫЕ» ЭЛЕМЕНТЫ В ТРАДИЦИОННОМ ПИСЬМЕННОМ ИНДИЙСКОМ ТЕКСТЕ

В настоящей статье рассматривается вопрос о традиции устной передачи текстов в Древней Индии. Несмотря на то что мы имеем дело с письменными источниками, они содержат следы бытования текстов в устной форме. Под «неписьменными» элементами имеются в виду следующие: те явления, которые не укладываются в рамки стандартного письменного текста, но находят интерпретацию только с позиции бытования в устной форме и отражают древнюю систему хранения в памяти информации колоссальных объемов.

Ключевые слова: санскрит, древняя Индия, устная традиция, мнемотехника.

S.S. Tawaststjerna

“THE UNWRITTEN” IN THE TRADITIONAL WRITTEN INDIAN TEXT

In this paper the issue of traditional oral transmission of texts in the Ancient India is dealt with. Notwithstanding the fact that any scholar working in the field of the Ancient India is obliged to work with written texts as a source of knowledge, we can trace some signs of “unwritten” in the written Indian texts. By “unwritten” I mean some phenomena that contradict the style of the written culture, the facts that can be explained only in terms of the oral culture that aimed at the storage of massive streams of information in the memory.

Keywords: Sanskrit, oral tradition, Ancient India, mnemotechnics.

Они избегают пользоваться пером, поскольку оно бессильно и может добавить или опустить что-нибудь в написанном.

Абу Рейхан Бируни. «Индия»

Вероятно, ни одно исследование по древнеиндийской литературе не обходится без упоминания того удивительного факта, что на протяжении более тысячелетия до н. э., до распространения в Индии письма и далее уже после появления письменностей, огромное количество текстов создавалось и передавалось исключительно в устной форме (см., например, [Gonda 1975: 43–54] и там же обширную литературу). Речь, конечно, идет в первую очередь о священных текстах древних индийцев — Ведах. Однако следы дописьменного или внеписьменного бытования текстов можно обнаружить не только в древнейших памятниках, которые очевидно были созданы до появления письма в Индии. Данный феномен хранения в памяти и устной передачи текстов колоссальных размеров в целом не изучен и в исследованиях древнеиндийской литературы, как правило, игнорируется, поскольку специалист по древним языкам обречен на работу с письменным или печатным словом. Все древнеиндийские тексты были изданы все-таки по рукописям, почему вполне резонен вопрос: а может быть, это все миф, и священные тексты были сначала записаны? Я позволю себе сослаться на известного индолога из Финляндии профессора К. Карттунена, который проводил полевые исследования в Индии и обнаружил, что в традиционных брахманских кланах до сих пор передаются из поколения в поколение тексты, которые ни разу со времени их создания (в X в. до н. э!) не были записаны [Karttunen 1998: 114–126]. Помимо всего прочего, на современные исследования, безусловно, влияет стереотип книжной культуры (европейской ли, еврейской или арабской), где, осознанно или нет, текст мыслится в первую очередь как материальная, бумажная или нет, но книга, вещь, а не содержание.

Мне представляется вполне актуальным изучение «неписьменных» элементов в индийском тексте, так как оно позволит не только увидеть историю создания текста и его существования во времени, но и обогатить наше знание изучаемых памятников дополнительными смыслами. Поэтому в данной статье я ставил задачу выявления и попытки интерпретации тех явлений, которые

не вписываются в рамки стандартно воспринимаемого книжного материала. Под «неписьменными элементами» я буду иметь в виду следующее: те элементы, которые указывают на устный характер создания, хранения и передачи текста, т. е. его функционирования в культуре, или же элементы, которые избыточны, излишни с точки зрения книжной культуры, а также элементы, которые особым образом структурируют форму и содержание текста, т. е. задают некую модель, которая приобретает значимость только в том случае, если текст рассчитан на устное воспроизведение и хранится в памяти, а не на пальмовом листе.

1. Метрика

Древнейшие памятники индийской словесности — это священные Веда, которые создавались в период с XV по X вв. до н. э.¹ Ядро Вед составляют созданные в метрической форме гимны, восхваляющие арийских божеств. Очевидно, что метрическая форма — это уже особенным образом организованный текст: стихи значительно лучше запоминаются, чем проза, и значительно сохранней, поэтому метрика может и должна считаться одним и мощнейших мнемонических средств. Если мы окинем взором бескрайнюю индийскую литературу, то обнаружим, что во все эпохи после создания ведийского канона во всех сферах деятельности (религиозной, научной или литературной) индийцы создавали преимущественно метрические тексты (вплоть до сложнейших математических трактатов, сплошь состоящих из математических формул). И связано это не с особой склонностью индийцев к стихосложению, а именно с функционированием текстов: в первую очередь текст должен быть усвоен формально, т. е. заучен, после чего только и возможна работа с ним.

Метрика ведийских текстов представляет собой не нечто сложившееся стихийно, но вполне осознанное явление. Уже в Ригведе мы встречаем такие термины как *chandas метрика* (RV 5.52.12, 6.11.3, 8.52.1, 10.14.16, 10.90.9 и т. д.), *akṣara слог* (RV 10.13.3), *pada строка* (там же), названия разновидностей гимнов *ṛc* и *sāman* (RV 10.90.9), названия стихотворных размеров *triṣṭubh*, *gāyatrī*, *bṛhatī*, *jagatī*, *uṣṇih*, *anuṣṭubh*, *viraj* (RV 10.14.16, 10.130.4–5). Все это говорит о развитости метрики уже в эпоху (как минимум

¹ К сожалению, датировка до сих пор является достаточно условной.

позднюю) составления Вед. Метрическая форма, безусловно, помогала сохранять тексты, но ее явно было недостаточно.

2. Священный текст и его различные чтения

В эпоху расцвета первых ведийских наук (прибл. с VIII в. до н. э.) были развернуты разнообразнейшие средства для того, чтобы не утратить наследие провидцев древности¹. Как известно, тексты гимнов фиксировались в той форме, в которой они реально произносились в ритуале, т.е. в слитном произношении (*sahitā-pāṭha*) со всеми изменениями (*sandhi*) на стыках слов, включая изменения в акцентуации. Поэтому даже в рукописях мы не обнаружим того, что мы привыкли называть «словом», поскольку любая фраза будет выглядеть как одно *графическое слово*. При этом разделение на слова — задача не такая уж тривиальная, поскольку часто возможны варианты деления, что может привести к искажению смысла. В связи с этим были созданы учебные тексты с пословным делением (*pada-pāṭha*). Ниже в двух примерах из Тайттирия-самхиты (Черной Яджурведы) подчеркнуты те стыки слов, где в слитном чтении и раздельном происходят фонетические изменения:

Самхита-патха (слитный текст)

tam bhāgadheyena vi muñcati pratiṣṭhatyai yayā rajjvottamām
gāmājettām bhrātr̥vyāya pra hiṇuyānirṛtimevāsmāi pra hiṇoti (TS
2.2.6.5)

Пада-патха (пословное чтение)

tam / bhāgadheyena / vi / muñcati / pratiṣṭhatyai / yayā / rajjvā /
uttamām / gām / ājet / tām / bhrātr̥vyāya / pra / hiṇuyāt /nirṛtim /
eva / asmāi / pra / hiṇoti //

Вероятно, назначение пословных пособий было в первую очередь в сохранении смысловой составляющей, т. е. в усвоении правильного членения текста. А для мнемонических целей вводились и другие способы рецитации. Самой простой разновидностью было чтение, называемое крама-патха (*krama-pāṭha*) с объединением слов в пары. Например, фраза «хваляю главного

¹ Ср. «Нирукту», где Яска прямо говорит об утрате знания древних мудрецов и необходимости как-то закрепить то знание, которое осталось (Nir 1. 20).

бога жертвы жрецаḡни» в крама-патха выглядела бы так: «хвалю главного, главного бога, бога жертвы, жертвы жреца, жрецаḡни». Далее были введены еще восемь изошренных разновидностей чтения (aṣṭa-vikṛtayaḥ): **jaṭā, mālā, śikhā, rekhā, dhvaja, daṇḍa, ratha** и **ghana**, где слова изначального текста складывались в группы в определенной последовательности [Abhyankar 1986: 159]. Ниже приведен пример из того же места Тайттирия-самхиты 2.2.6.5 (см. пример выше) в усложненном варианте чтения типа гхана (ghana-pāṭha), в котором слова группируются в тройки в последовательности 1-2-2-1-1-2-3-3-2-1-1-2-3. После того как первый период заканчивается, та же комбинация воспроизводится со второго слова: 2-3-3-2-2-3-4-4-3-2-2-3-4 и т.д.

Гхана-патха (слитное чтение в определенной последовательности)

a) **taṃ** bhāgadheyena bhāgadheyena taṃ taṃ bhāgadheyena vi vi bhāgadheyena taṃ taṃ bhāgadheyena vi/

b) **bhāgadheyena** vi vi bhāgadheyena bhāgadheyena vi muñcati muñcati vi bhāgadheyena bhāgadheyena vi muñcati/

c) **vi** muñcati muñcati vi vi muñcati pratiṣṭhatyai pratiṣṭhatyai muñcati vi vi muñcati pratiṣṭhatyai/ и т.д.

Можно предположить, что после такой восьмеричной «деконструкции» текста в сознании студента не останется ничего, что не было бы усвоено, причем навсегда. Что касается письменных версий Вед, то до наших дней дошли варианты слитного (самхита) и пословного (пада) чтений и практически ничего в отношении девяти остальных, за исключением отдельных отрывков. Это вполне объяснимо, поскольку данные «чтения» не было необходимости записывать (в частности, и с точки зрения экономии), ибо они существовали исключительно в качестве своеобразных матриц для проработки текста. О силе такой техники косвенно говорит тот факт, что в сохранившихся рукописях ведийских текстов обнаруживается ничтожно малое количество разночтений, особенно если сравнивать с другими письменными традициями.

3. Маркировка прозаических текстов

Ведийская традиция донесла до нашего времени не только метрические тексты, но и так называемые прозаические: брах-

маны, араньяки и упанишады¹. Брахманы — это тексты, которые служили своеобразными ритуальными и даже религиозно-философскими комментариями к священным гимнам. В строгом смысле прозой данные тексты назвать достаточно сложно. Это жестко структурированные тексты, весьма лаконичные, с большим количеством формальных элементов. В них можно отметить особую технику маркирования текста. Например, начало всех разделов (*adhya*ya) в Айтарея-брахмане маркируется энклитикой *va* *во-истину* (перевод условен)², жестко регламентировано употребление личных форм глагола, объяснение мистической сущности того или иного мифа или ритуала маркируется фразой *ya evaṃ veda kto tak znait*³ и т. д. Концовки разделов помечаются повтором последнего слова или фразы [Naug 1863: 72]:

«Тогда произнесенная им речь исполненная истины **становится становится**» (*satyottarā haivāsya vāg uditā bhavati bhavati*, AitBr 1.1.6).

То же самое мы встречаем и в более поздних текстах упанишад:

«Он, поднявшись из этого мира с помощью этого познающего атмана, в том небесном мире достиг [исполнения] всех желаний и бессмертным **стал стал**.» (*sa etena prajñenātmanāsmāl lokād utkramyāmuṣmin svarge loke sarvān kāmān āptvāmṛtaḥ samabhavat samabhavat*, AitUp 3.4).

«Который эту принадлежащую к Самаведе так упанишаду **знает упанишаду знает**» (*ya etām evaṃ sāmnam upaniṣadaṃ vedopaniṣadaṃ veda*, ChUp 1.13.4).

С точки зрения письменного текста данные повторы не имеют никакого смысла, а указывают лишь на то, что данный повтор является слуховым маркером окончания раздела (как для произносящего, так и для слушающего).

¹ Брахманы преимущественно составлены в прозе, которая может чередоваться со стихотворными разделами. Некоторые упанишады составлены в стихах, в некоторых проза чередуется со стихами.

² «*Agnīr va* *devānām avato*» *Во-истину, Агни нижний из богов* (AitBr 1.1.1).

³ О формуле «*ya evaṃ veda*» см. подробнее в [Семенов 1981].

4. Структурирование и нумерация текста

Каждого индолога не может не удивлять своеобразная нумерация, цифровая маркировка разделов, обозначение названий глав и даже самих названий древнеиндийских текстов. В европейской (книжной) традиции принято номер (например, строфы) указывать вначале, а в индийской традиции — в конце. Названия глав, разделов — всё выносятся у индийцев в конец. Более того, кто имел дело с санскритскими рукописями, наверняка сталкивался с проблемой наименования текста, которое мы можем узнать, только открыв последнюю страницу: «Вот конец произведения, написанного тем-то и называемого так-то». Таким образом, даже в письменной традиции продолжает отражаться тот факт, что важнее указывать, где окончание, а не начало.

Что касается нумерации, то здесь тоже не все так просто. Для большинства ведийских текстов существуют (и поныне) два типа нумерации. Первый — нам всем понятный: сплошная нумерация, с разделением по разделам, темам и проч. Самый яркий пример — это Ригведа.

Мы знаем, что Ригведа состоит из десяти «книг» (*maṇḍala*, букв. *круг*), где первая и последняя (самые поздние) представляют собой довольно разрозненные собрания гимнов, со второй по восьмую — так называемые фамильные мандалы, принадлежащие определенным кланам провидцев-жрецов, и, наконец, девятая книга, где собраны гимны, связанные со священным напитком — Сомой. Такое «содержательное» структурирование абсолютно нам понятно, однако сами индийцы (и это видно даже по индийским классическим изданиям, предпринятым в XIX в. в Индии, где редакторами выступали ученые-брахманы) предпочитали совсем другую нумерацию. Ригведа во многих индийских изданиях XIX в. нумеруется по т. н. аштакам (*aṣṭaka*).

Аштака — это сугубо формальное деление текста на приблизительно равные порции. Слово *aṣṭaka* буквально означает «восьмерка», т. е. весь текст Ригведы был поделен формально на восемь частей (*aṣṭaka*), затем каждая аштака на восемь «уроков» (*adhyaṅga*), то есть всего на 64 части, которые являлись составными (приблизительно равными по количеству, исключение — только шестая аштака) порциями для заучивания студентами. Ниже приведена таблица деления Ригведы по «аштакам»:

aṣṭaka (восьмерица)	adhyaṃya (урок)	varga (порция гимнов-строф, в среднем, по 5)	mantra (гимн-строфа)
1	8	265	1370
2	8	221	1147
3	8	225	1209
4	8	250	1289
5	8	238	1263
6	8	331	1730
7	8	248	1263
8	8	246	1281
Всего:	64	2024	10,552

Для нас, людей книжной культуры, любящих посмотреть содержание (обязательно с указанием страниц!), а еще индексы, данное деление выглядит странно и нефункционально. Но мы не имеем никакого представления о том, как это выглядит (вернее, работает) для человека, в которого данное знание вложено с детства и наизусть. Может быть, не «содержательный», а именно формальный подход удобнее и надежнее при обращении к единицам хранения в памяти.

5. Древнеиндийский эпос

Об устном генезисе индийского героического эпоса (в первую очередь, Махабхараты) написано большое количество исследований (см. [Васильков 2010: 25–36] и библиографию там же). Правда, сразу необходимо оговорить то обстоятельство, что устный эпос и жреческие мнемотехники — это абсолютно разные виды деятельности. Сказитель — это импровизатор (безусловно, с великолепными способностями памяти), а жрец — фиксатор. Я остановлюсь только на одном моменте, который кажется важным.

Основной стихотворный размер Махабхараты — восьмисложник шлока, который имеет достаточно свободную метрическую структуру и поэтому очень удобен для импровизации [Там же: 30–32]. Однако в эпосе встречаются и другие размеры, например, ведийские — 11-сложник триштубх и 12-сложник джагати. Это уже не совсем те ведийские размеры, поскольку в них наблюдается более строгая упорядоченность (как, кстати, у этих же размеров в поздней 10-й мандале Ригведы), поэтому они менее пригодны для импровизации.

Можно было бы отнести их употребление, например, к стилистике. В известном сказании о Савитри (MBh 3. 277–283), когда встречаются первый раз цари Ашвапати и Дьюматсена, они неожиданно переходят на «высокий» стиль, обращаясь друг к другу размером джагати. Савитри, когда у нее происходит диалог-состязание с богом смерти Ямой, также переходит на размер джагати. Выделительная функция употребления метров здесь очевидна.

Далеко не всегда, но довольно часто данные два ведийских размера (и другие, напр., 13-сложные) появляются в концовках глав (MBh 1.26.47, 1.28.24–25, 1.30.21–22, 1.59.54, 1.64.42 и т. д.). Такую смену метра вполне можно интерпретировать как некий слуховой маркер завершения или смены темы.

6. «Блочная» композиция текстов

В данном разделе я бы хотел коснуться одной альтернативной традиции, возникшей в Индии в VI–V веках до н. э. — буддийской традиции тхеравадинов. Известно, что основная часть буддийского канона Типитаки представляет собой собрание проповедей Будды на языке пали, кодификация которых началась в устной форме сразу после паринирваны вероучителя [Hinüber 1996: 4–6]. Последовательно на трех соборах происходила сверка текстов, и только в I в. до н. э. канон был впервые записан [Елизаренкова, Топоров 1965: 14–15]. Безусловно, та форма, в которой были зафиксированы палийские сутты, образовалась после некоей их унификации, стандартизации, чтобы максимально сохранить наследие Учителя. Нам не известны факты, чтобы монахи (среди которых были и брахманы) владели брахманистской мнемотехникой. Скорее всего, они вырабатывали свои приемы хранения текстов в памяти. Приведем один пример известной сутты-притчи в кратком пересказе из раздела «Удана» «Сутта-питаки» (Ud 54):

Так я слышал. Однажды Бхагаван пребывал в Шравастии, в Джетаване, в саду Анатхапиндики. Тогда в Шравастии собралось множество паломников, шраманов, брахманов, отшельников, исповедующих самые различные воззрения. Одни говорили, что мир вечен, другие, что не вечен, третьи, что ни вечен, ни бесконечен, четвертые, что вот такова душа, а таково тело, пятые — нет, душа это другое, и тело это другое, шестые, что есть татхага-

та после смерти, седьмые, что нет татхагаты после смерти и т. д. Так ни к чему они не пришли, а только переругались: «Вот такая Дхамма, а не такая!»

Отправились монахи за подаянием в Шравасти, а после сбора милостыни вернулись в общину, подошли к Бхагавану и обратились к нему:

«О Почтенный! Вот в Шравасти собралось множество паломников, шраманов, брахманов, отшельников и т. д.»

Далее слово в слово повторяется весь этот большой период. Причем в суттах таких повторов может быть не два и не три, а сколько угодно. Может меняться только одно ключевое слово или лицо, число, время глагольной формы. С точки зрения письменной традиции, эти повторы совершенно бессмысленны, поскольку переписывание рукописей во все времена было делом дорогостоящим. Поэтому уже в рукописной традиции, которая началась в I в. до н. э., пришлось придумать специальный знак для сокращения данных повторов *re*. (*реууāla*, что-то вроде *и т. д.*). Однако отметим, что для устной формы передачи данные повторы никак не являются какой-то обузой, а скорее наоборот — лишним средством закрепления в уме текста.

7. Техника сутр

7.1. Сутры — краткие мнемонические формулы

Сутра буквально означает «нить». Первые тексты, называемые сутрами, появились в поздневедийский период, т. е. после VII–VI веков до н. э. Я осмелюсь сделать предположение, что сам «стиль» сутр зарождался еще в период составления текстов брахман, которые уже сами представляют собой в ряде случаев своеобразные формулы-сутры.

Сутра — это мнемоническая формула, которая (после усвоения) разворачивается в некое содержание только с помощью учителя (или, для европейца, с помощью комментария). Примеры можно приводить бесконечно. Приведем только один.

Существует приложение к грамматике Панини (V–IV вв. до н.э.), называемое «Перечень глагольных корней» (*dhātu-pāṭha*). Об его авторстве ничего не известно. По одной версии, автор — сам Панини, но возможно, что данный перечень уже существовал и до Панини. Возьмем всего лишь одну единицу из этого словаря корней: самый употребительный корень — «делать».

В данном словаре корень $\sqrt{kṛ}$ (абстрактная единица) представлен следующим образом:

DUkṛÑ karaṇe

Индийцы при составлении подобных списков придумали как минимум две вещи:

1) представлять глагол в виде такой абстракции, как корень (dhātu, букв. *элемент, металл*),

2) использовать различные звуковые значки для обозначения грамматических явлений. То, что выделено в сутре курсивом (в индийском письме это невозможно), — это маркеры, условные символы.

Теперь немножко отвлечемся. Что мы знаем про главный санскритский корень $\sqrt{kṛ}$: если обратимся к словарям и грамматикам, то выясним, что это корень 8-го класса (т. е. основы образует суффиксами *-и* и *-о*), глагол может спрягаться по двум парадигмам: парасмайпада (активной) и атманепада (медиальной), у него есть возможность образовывать такие прилагательные как *kṛ-trita* *искусственный*, и еще от этого корня образуются неличные формы без соединительного *-i-* между корнем и суффиксом (*kṛ-ta* *сделанный*, *kṛ-tvā* *сделав*, *kar-tum* *чтобы сделать* и т. д.).

Все, что было высказано в предыдущем абзаце, выражено в одной маленькой фразе:

DUkṛÑ karaṇe.

1) место в классе определено списком ($\sqrt{kṛ}$ идет в 8-м списке, а для каждого списка есть соотнесенность с соответствующим правилом в грамматике, где объясняется образование основ);

2) маркер *Ñ* означает спряжение по двум парадигмам;

3) маркер *DU* означает образование указанных выше прилагательных;

4) в ведийском санскрите было три ударения: слабое, сильное и заударное (нисходящее). Грамматисты тоже использовали ударения как технические мнемонические маркеры: на корне нет ударения, следовательно, у него нет соединительного *-i-*.

Мы забыли только слово «*karaṇe*», которое заслуживает объяснения. Данное слово — это местный падеж от имени действия от того же корня $\sqrt{kṛ}$, т. е. букв. *когда делание*. Я полагаю, что индийские лингвисты были правы, что не присваивали абстрациям конкретные значения: фраза «[абстрактная единица] $\sqrt{kṛ}$ [употребляется в грамматических операциях тогда, когда речь

идет] о делании» звучит гораздо лучше, чем «некое нигде не употребляемое √kṛ значит «делать» (т. е. инфинитив, как это делается в современных санскритских словарях: to do, machen, faire и т. д.).

Техника сутр, безусловно, представляла собой еще одну разновидность деятельности древнеиндийских ученых, направленную на сохранение в памяти больших массивов информации в свернутом виде.

7.2. «Партитурные» тексты

Процесс обучения в Древней Индии, конечно, начинался с освоения произношения звуков санскрита. Фонетика (śikṣā), вероятно, была первой из языковых наук, получивших развитие. В древнеиндийских трактатах по фонетике¹ мы обнаруживаем первую в истории человечества научную классификацию звуков. Приведем только часть, а именно перечень смычных (sparśa):

k	kh	g	gh	ṅ
c	ch	j	jh	ñ
ṭ	ṭh	ḍ	ḍh	ṇ
t	th	d	dh	n
p	h	b	bh	m

Подобного типа тексты я условно называю «партитурными», поскольку они подразумевают чтение как горизонтальное, так и вертикальное и в них абсолютно важен порядок следования (в обоих направлениях).

Каждый из пяти рядов звуков начинается глухим непридыхательным, затем следует глухой придыхательный, после звонкий непридыхательный, звонкий придыхательный и замыкается каждый ряд соответствующим носовым. По вертикали звуки расположены по месту артикуляции, причем порядок также не случаен. Органы артикуляции постепенно передвигаются от заднеязычных к губным. Очевидно, что данная матрица является одновременно и мнемонической, и обучающей. При этом очевидно и то, что знание принципа построения перечня дает возможность безошибочно его воспроизводить: достаточно знания одного горизон-

¹ Самые ранние тексты по фонетике датируются II–IV вв. до н. э.

Первое прочтение:

То, что выделено курсивом, — это краткая запись в ганах данного размера:

ma sa ja sa ta ta ga

Второе прочтение:

Данное определение стихотворного размера само написано в размере шардула-викридита:

sū- ryā-śvaiḥ ya-di maḥ sa-jau sa-ta-ta-gāḥ
Д - Д - Д Кр-Кр Д Кр-Д Кр-Кр-Кр Д

śā -rdū-la-vik-rī-ḍi-tam
Д - Д - Кр Д Кр-Д-Д

Третье прочтение:

Название размера метрически соответствует каденции после цезуры:

sū-ryā-śvaiḥ ya-di maḥ sa-jau sa-ta-ta-gāḥ, *śā-rdū-la-vik-rī-ḍi-tam*

Четвертое прочтение:

Сама эта фраза может быть понята как шутка. В средневековье получил распространение обычай представлять индийских божеств в виде санскритских слогов. Поэтому слоги *ma*, *sa* и *ja* вполне можно интерпретировать как указание на индийских божеств Брахму, Вишну и Шиву соответственно. Тогда получается следующее: «Если (*yadi*) Брахма, Вишну и Шива (*maḥ sa-jau*) с конями Сурьи (*sūryāśvaiḥ*) постоянно пускаются (*satata-gāḥ*) в тигриный пляс (*śārdūla-vikrīḍitam*), [то знайте, что это размер шардула-викридита]».

Таким образом, мы видим, что один текст объединяет сразу несколько пластов, поддерживающих друг друга, причем последний, несмотря на свою нелепость, оказывается не менее важным, поскольку глупое, нелепое, как ни странно, имеет свойство хорошо запоминаться, и это тоже очень хорошо понимали индийцы.

* * *

Если мы хотим добиться надлежащей интерпретации традиционного индийского текста, то нам следует отказаться от восприятия некоторых его элементов как причуд или издержек древнего мышления и научиться задавать тексту правильные вопросы, поскольку мы еще довольно далеки от полного понимания древнеиндийской культуры.

Библиография

Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб.: Европейский дом, 2010. 397 с.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Язык пали. М.: Наука, 1965. 244 с.

Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. М.: Наука, 1991. 180 с.

Abhyankar K.V., Shukla J.M. A Dictionary of Sanskrit Grammar. Baroda: Oriental Institute, 1986. 448 p.

Gonda J. Vedic Literature. Weisbaden: Otto Haassowitz, 1975. 463 p.

Haug M. Aitareya-Brāhmaṇa / Ed. and transl. by M. Haug. Bombay: Trübner and Co., 1863. Vol. I. 215 p.

v. Hinüber O. A Handbook of Pāli Literature. B.; B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 1996. 257 p.

Karttunen K. Orality vs. written text: Mediaeval developments in Vedic ritual literature. Folklore. Electronic Journal of Folklore, 1998. P. 114–126. Электронный ресурс: <https://www.folklore.ee/folklore/vol8/pdf/veda.pdf>.